

поздалым эпигонством, повторявшим «зады» западной культуры; ведь всем, даже не исследователям, а популяризаторам, должно быть известно, что передовые явления западной литературы, начиная, во всяком случае, с 1750-х годов (и даже несколько ранее), стоят уже за пределами классицизма; достаточно вспомнить имена Мариво, Ричардсона, Фильдинга, Грея, Руссо, Дидро, Клопштока, Лессинга и многих других. Почему же мы должны думать, что только русские люди топтались на пройденном уже давно участке общеевропейского идейно-художественного пути? Почему мы должны считать, что не только Ломоносов и поздний Сумароков, но еще Фонвизин и Державин так убийственно отставали? Не есть ли это признание отсталости, зависимости, несамостоятельности, беспомощности всей русской литературы XVIII века и в то же время повторение непростительных ошибок Алексея Веселовского и иже с ним при нежелании ознакомиться с фактами? Факты, исследованные советскими учеными, устанавливают бесспорно, что русская литература уже к середине XVIII века выступила как самостоятельная сила, и, считаясь с опытом Запада, сама могла уже показать Западу немало такого, чего там не было. В этом — одна из причин быстро растущего на Западе интереса к русской литературе. Те литературоведы, которые настаивают на устойчивости на протяжении XVIII века в русской литературе классицизма, обычно не интересуются вопросом о выходе русской литературы этой эпохи за рубежи нашей страны, на Запад, предпочитая думать (тоже по старинке), что Западу нечего было почерпнуть из России в те времена. Впрочем, — на всякий случай, чтобы чего не вышло, — они чаще всего умалчивают и о фактах обратного порядка, об интересе русских писателей XVIII века к передовым явлениям западных литератур, о широком и принципиальном обмене идей между Россией и Западом вообще. Так и получается, что русская литература в XVIII веке иной раз все еще выглядит в наших популярных курсах как какой-то вымороженный участок, как застойный пруд, лишенный исторического движения, как глухая провинция, куда не доносятся известия из «центра» и которую этот «центр» нисколько не интересуется. Между тем, Россия уже к середине XVIII века на самом деле сама стала одним из подлинных центров европейской литературной культуры, и следовало бы уже давно заинтересоваться вопросом о том, насколько широко и глубоко знали русских писателей той эпохи на Западе. Разумеется, для того, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо произвести немало разысканий, новых исследований, — а это более трудно и требует больше усердия, времени и знаний, чем повторение суждений